

Алан Мур Джейсен Берроус
ПРОВИДЕНСTM

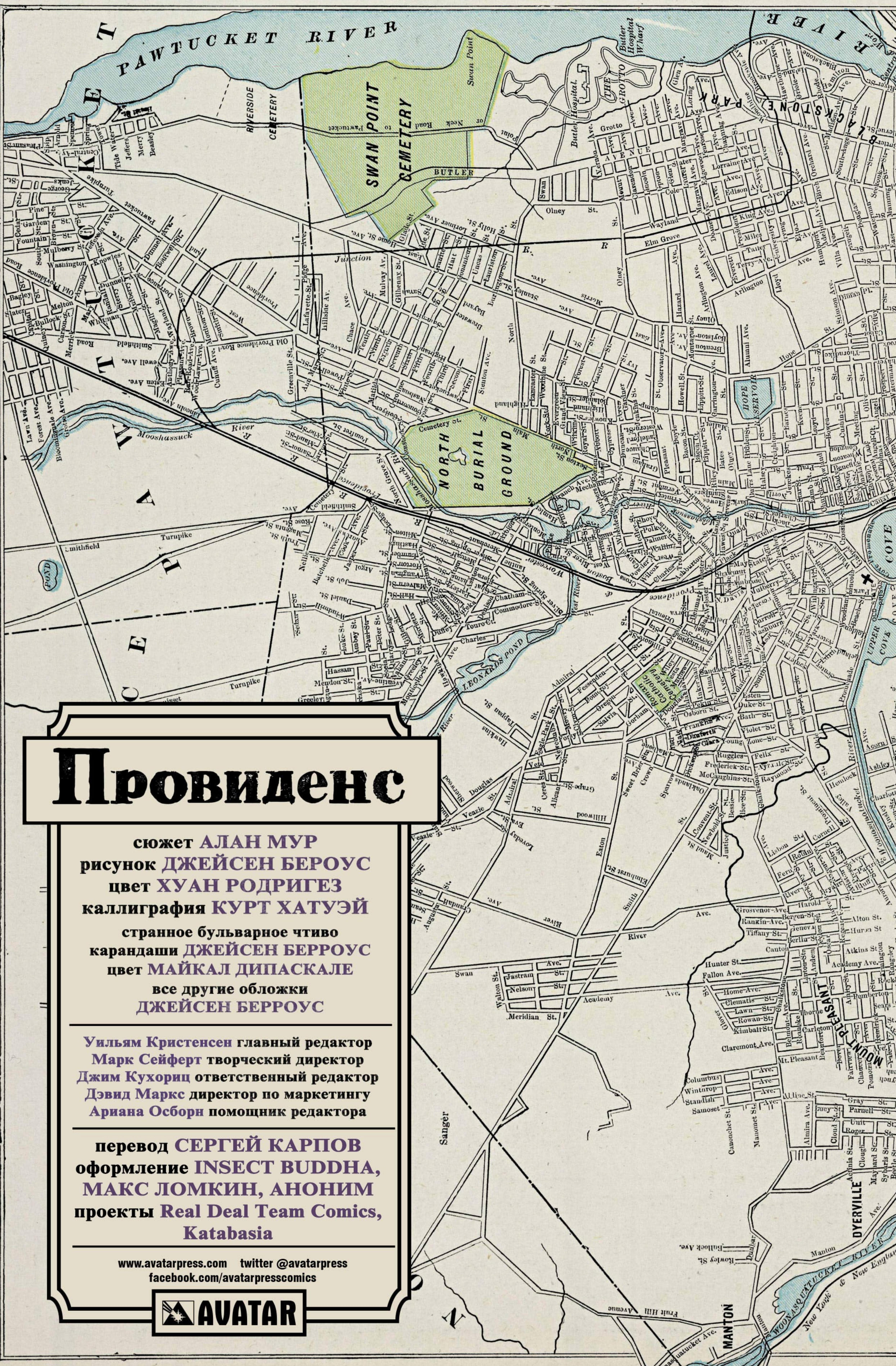
#3

~~RDT~~
REAL DEAL TEAM

JACEN 15

Провиденс

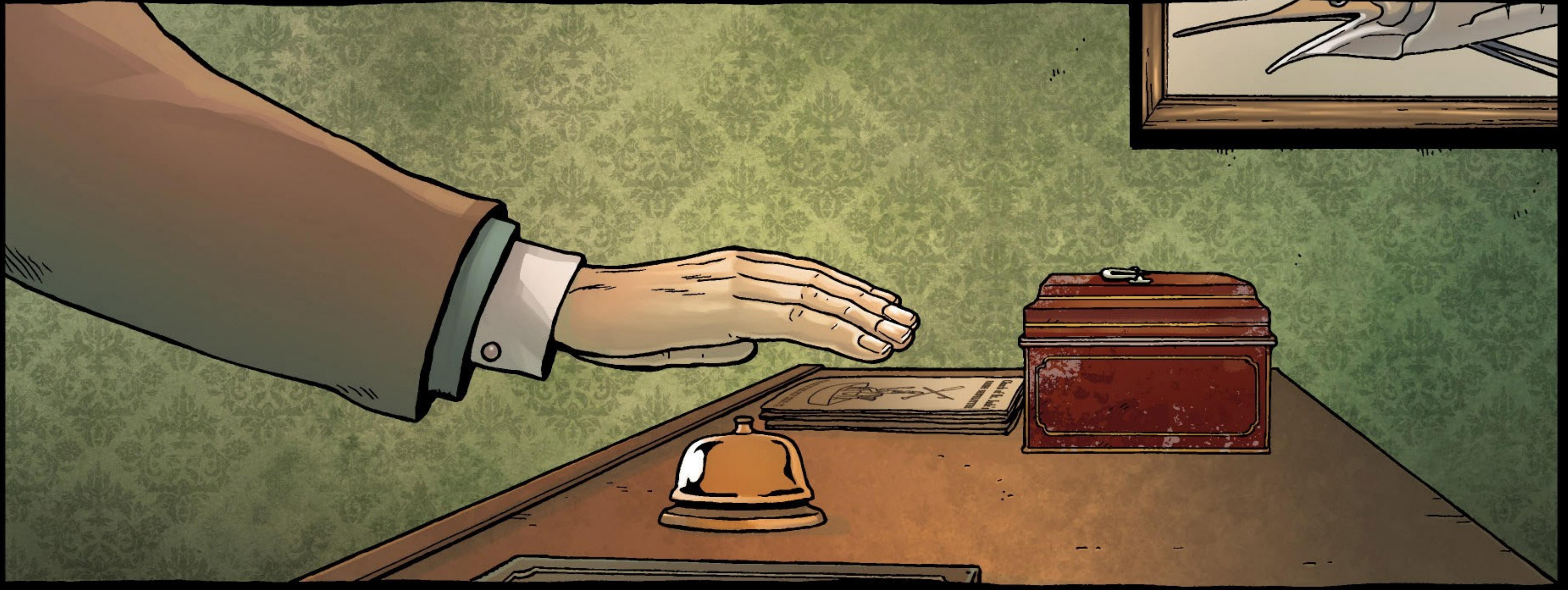
сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕЗ
калиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
стреное бульварное чтво
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

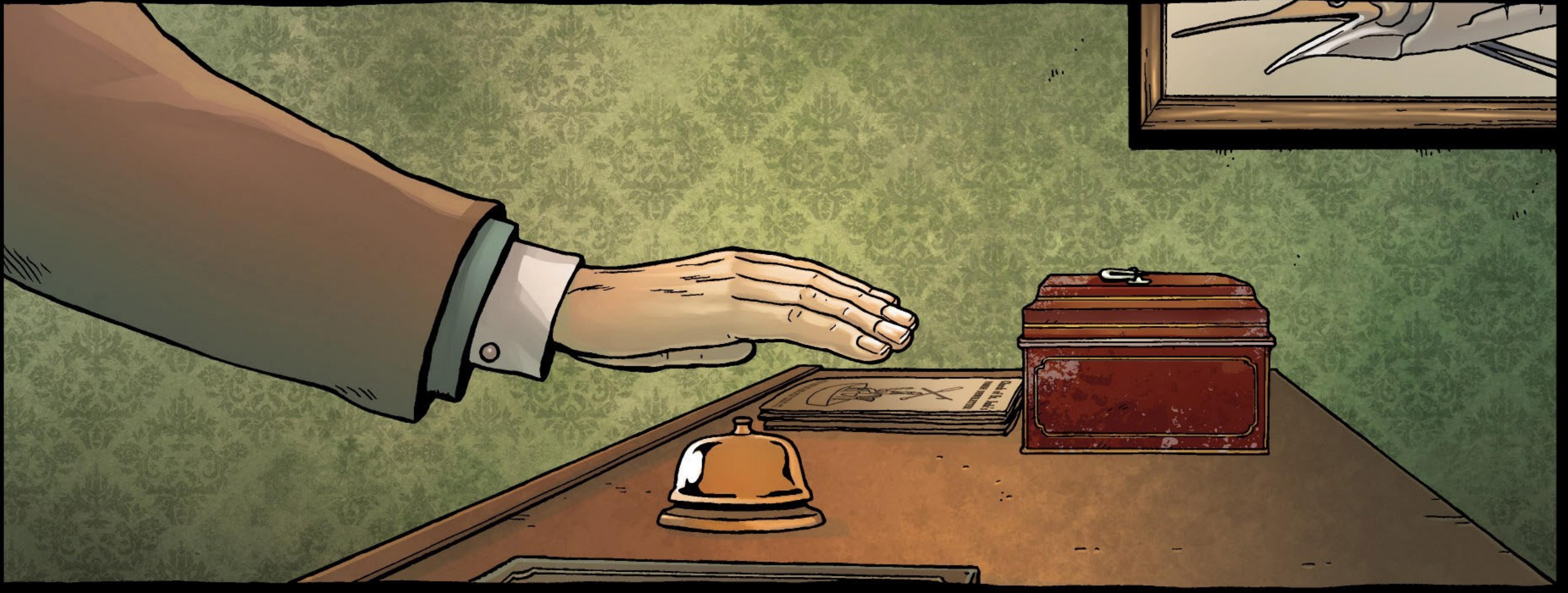
www.avatapress.com [@avatapress](https://twitter.com/avatapress)
facebook.com/avatapresscomics

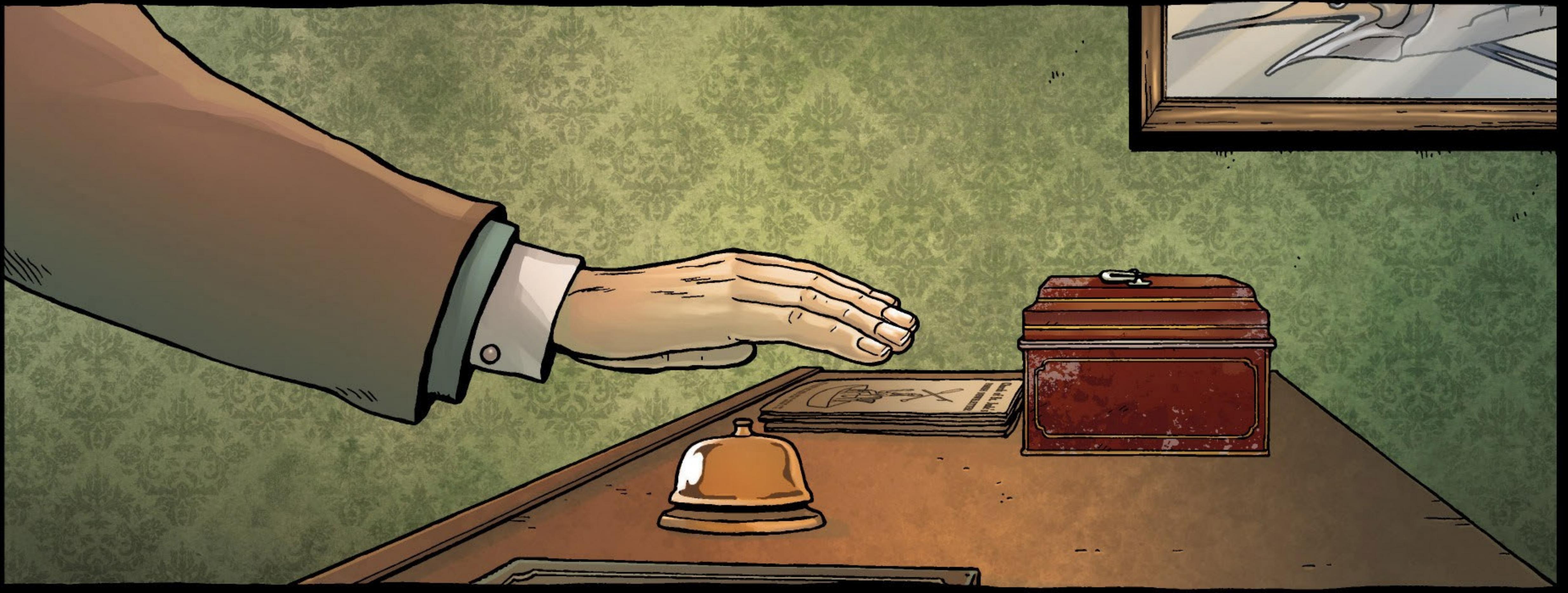

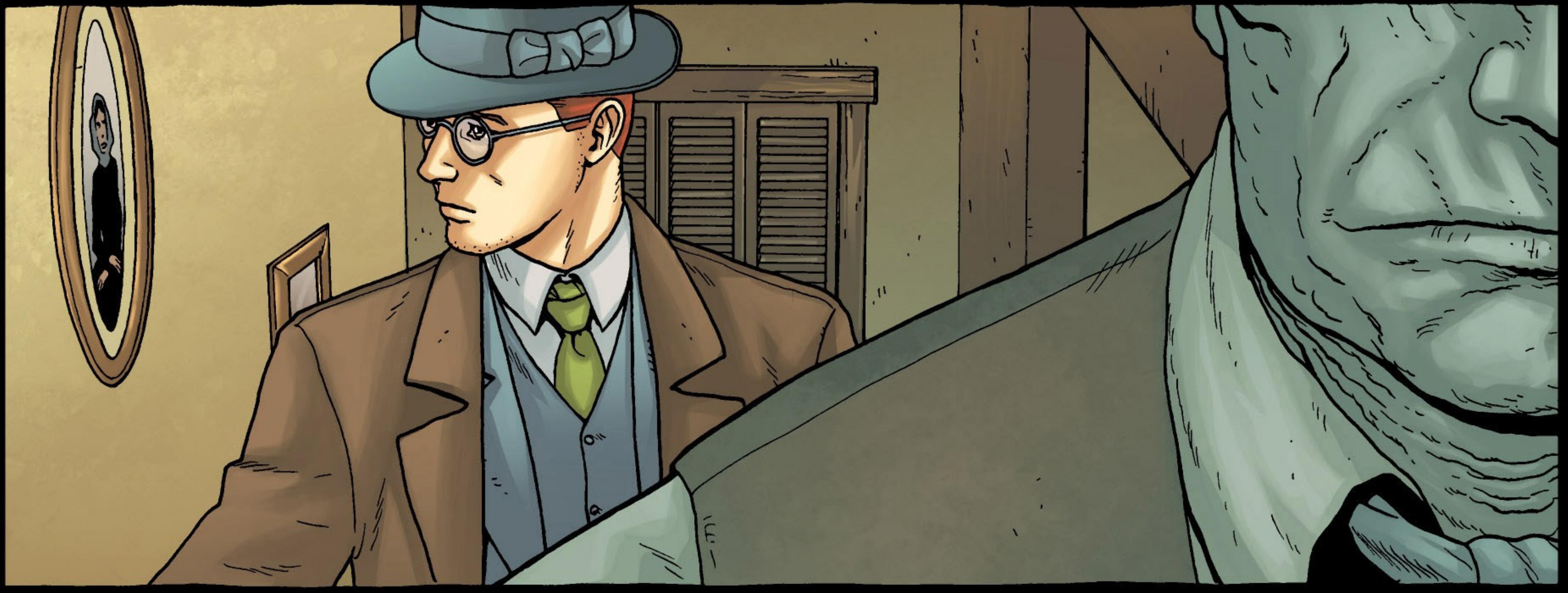

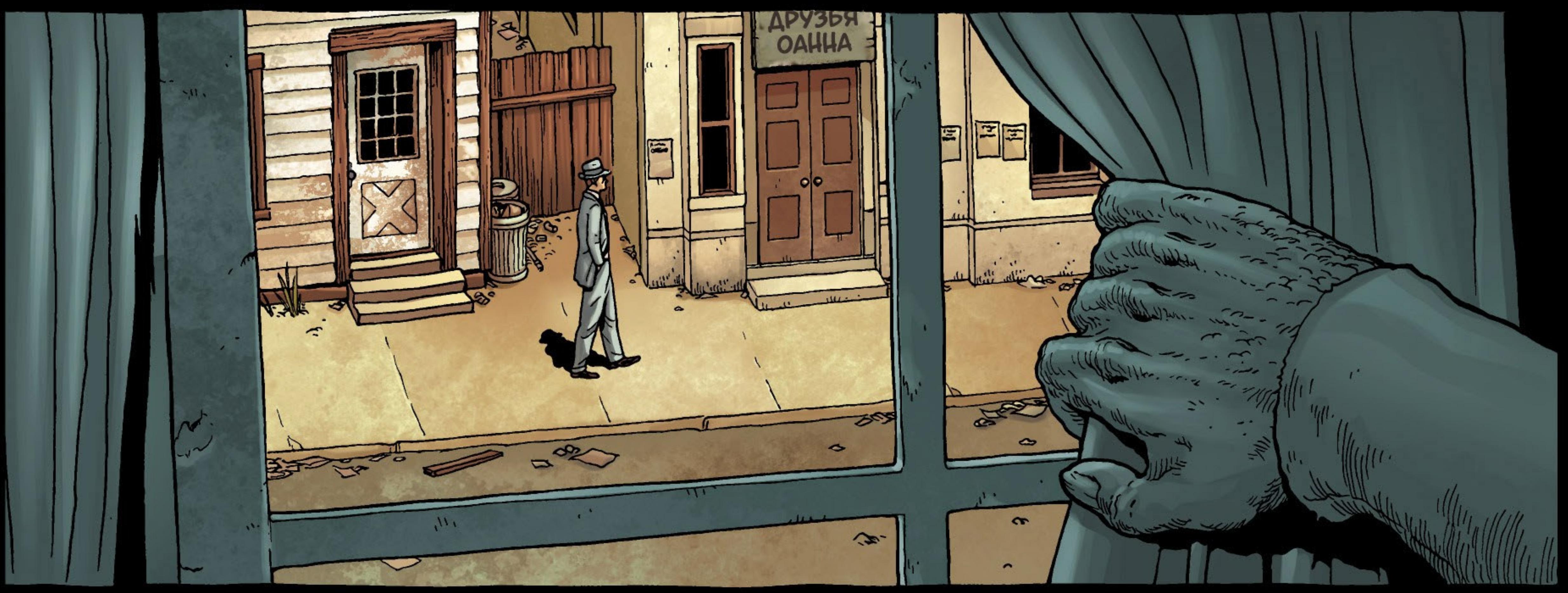

III: ПРИТАИВШИЙСЯ УЖАС

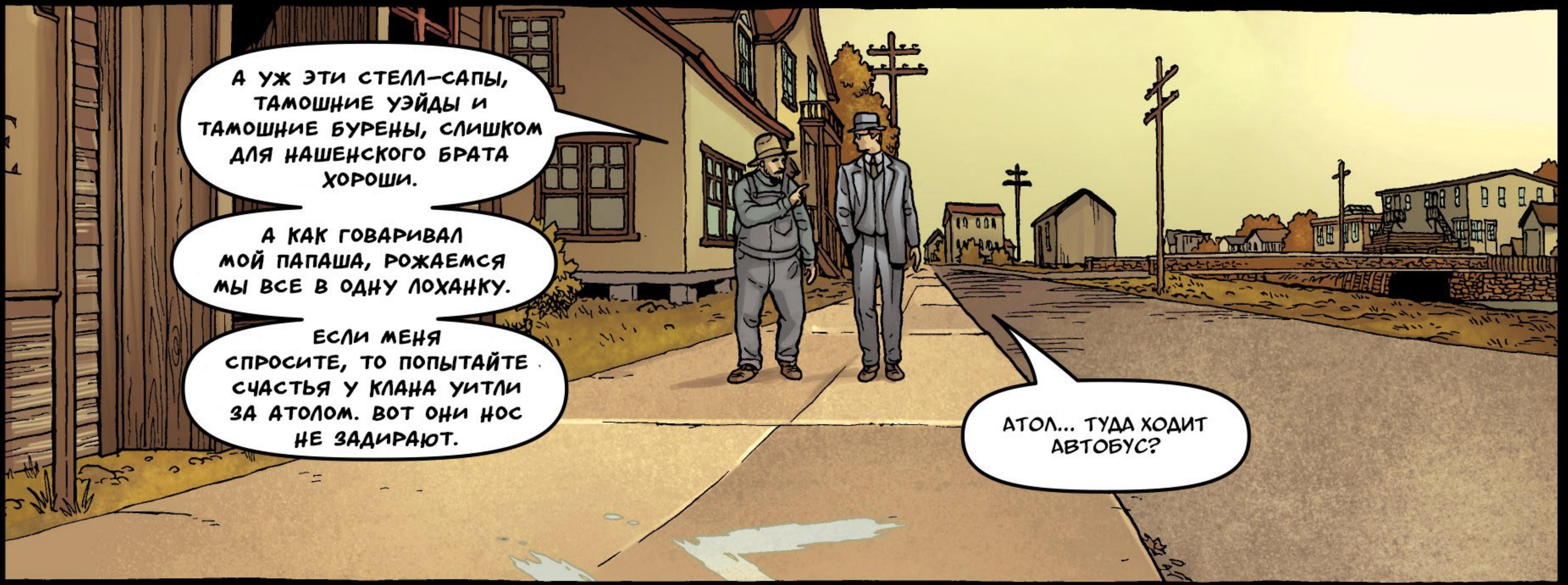

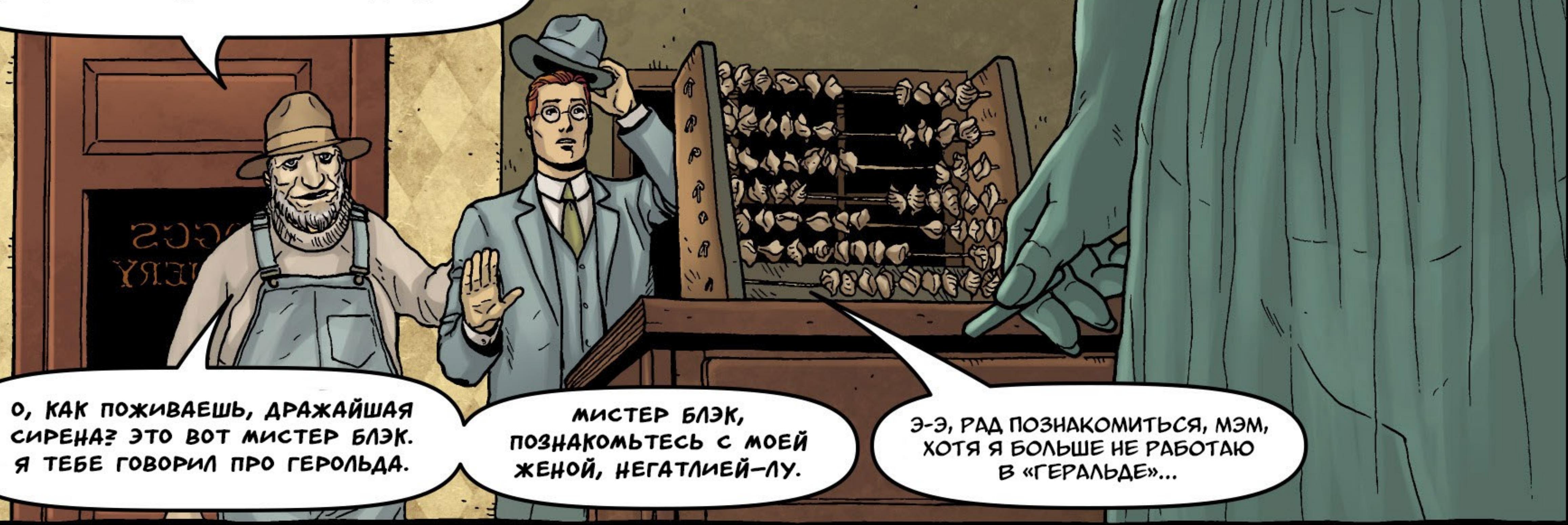

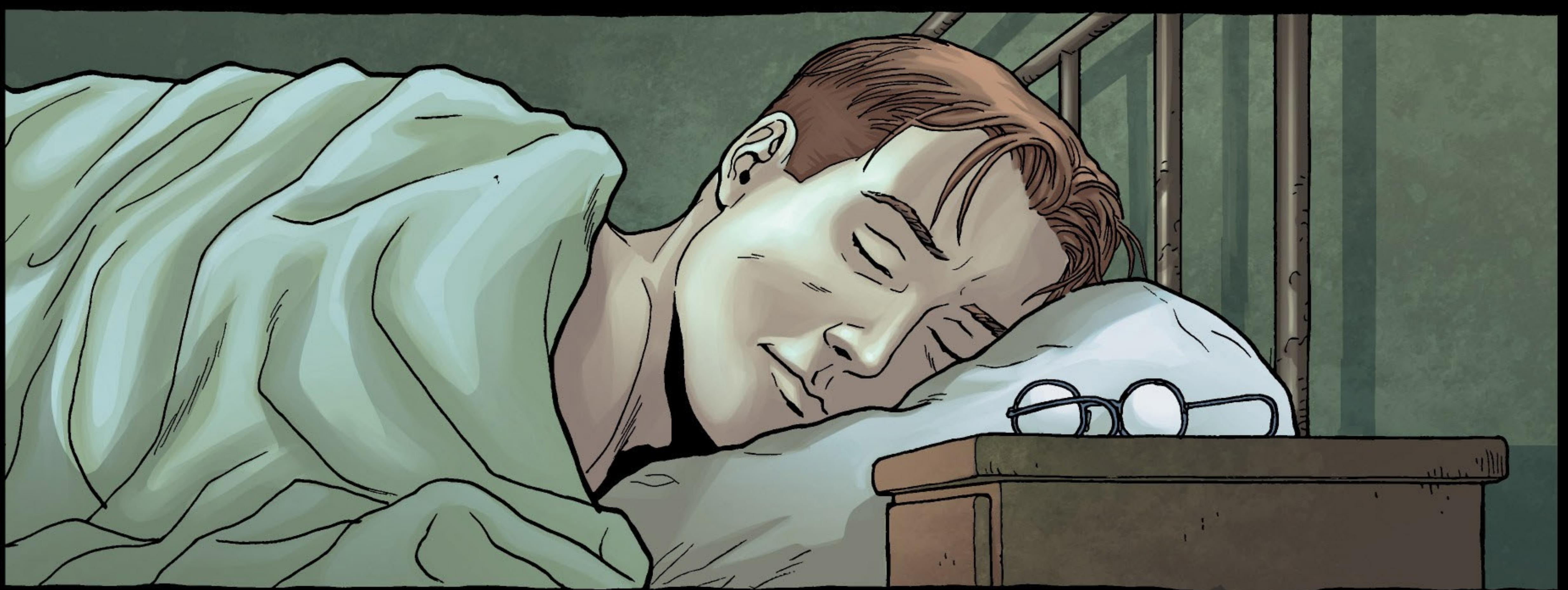

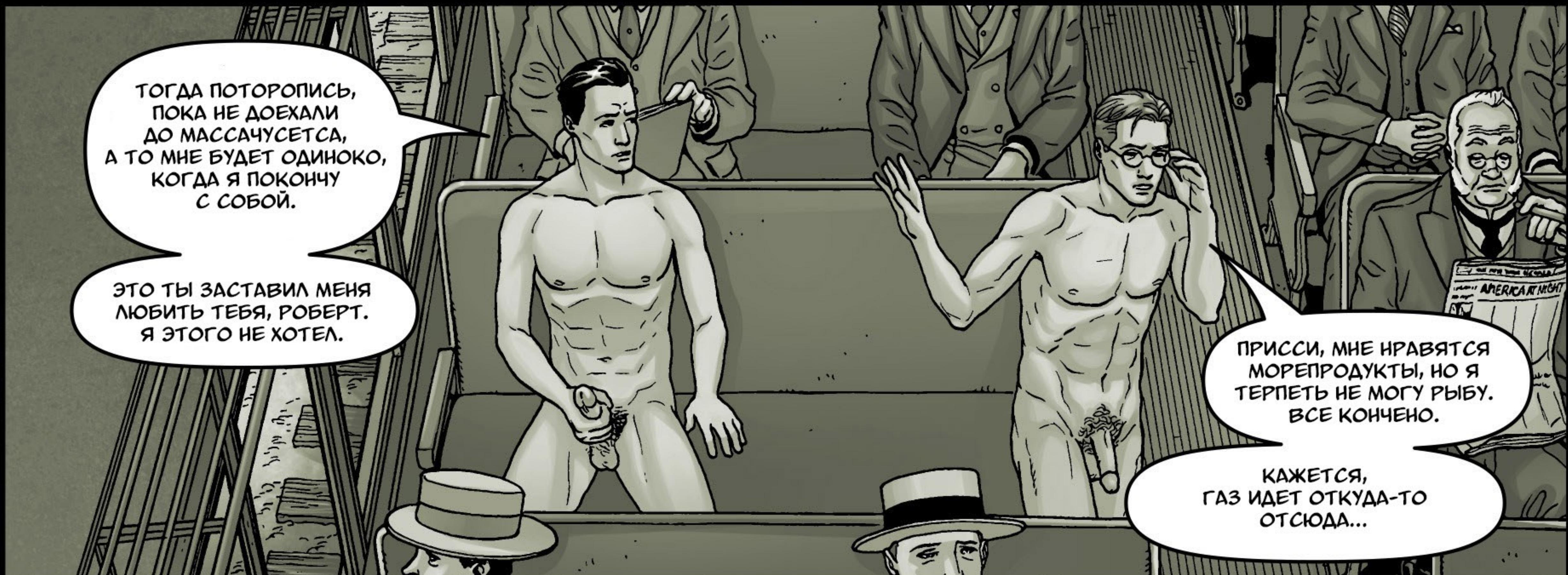
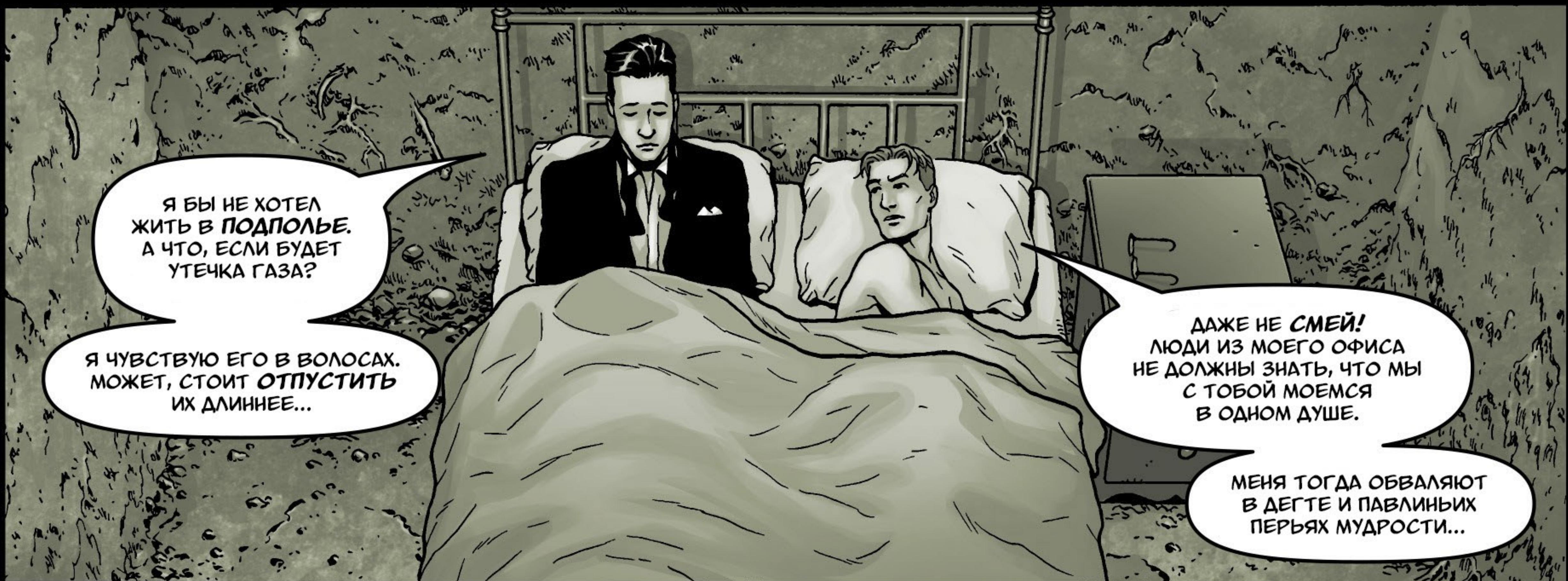
СТАРЫЕ НАШИ. ДЕДУЛЯ ПОЛЬЗОВАЛСЯ ИМИ
ДЛЯ КОНТРАБАНДЫ ПО МЕЛОЧИ ДА ДЛЯ...

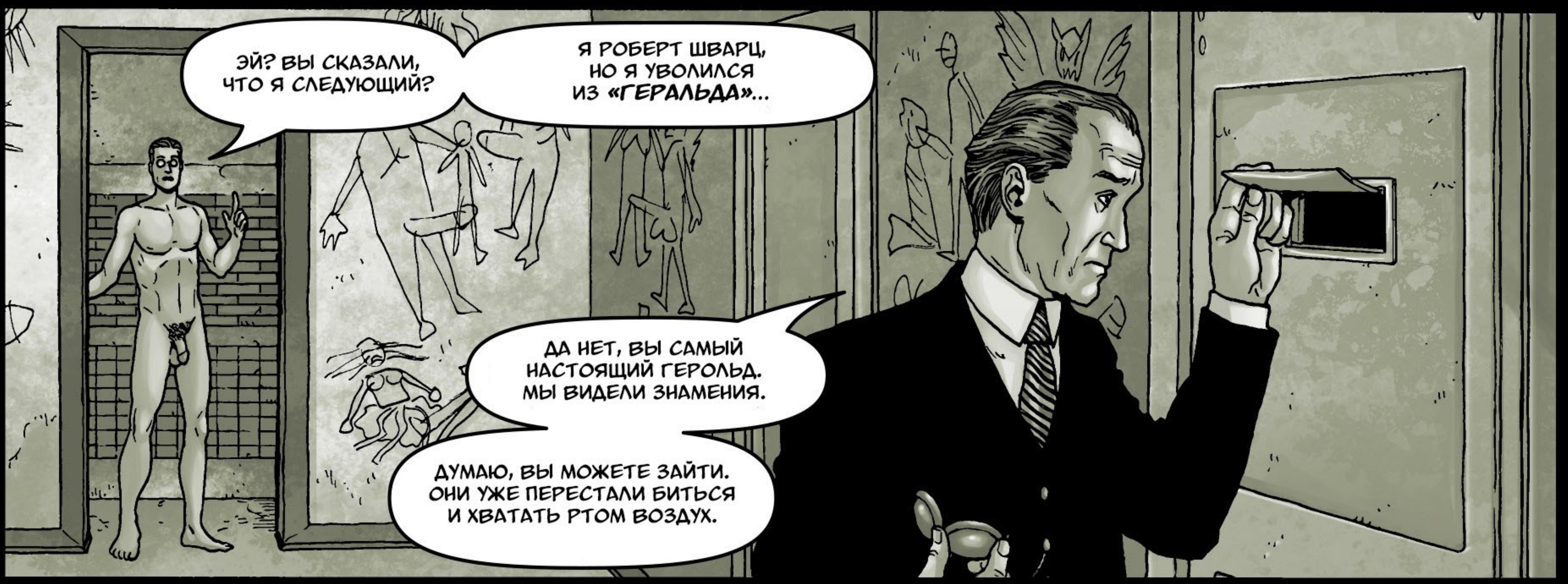

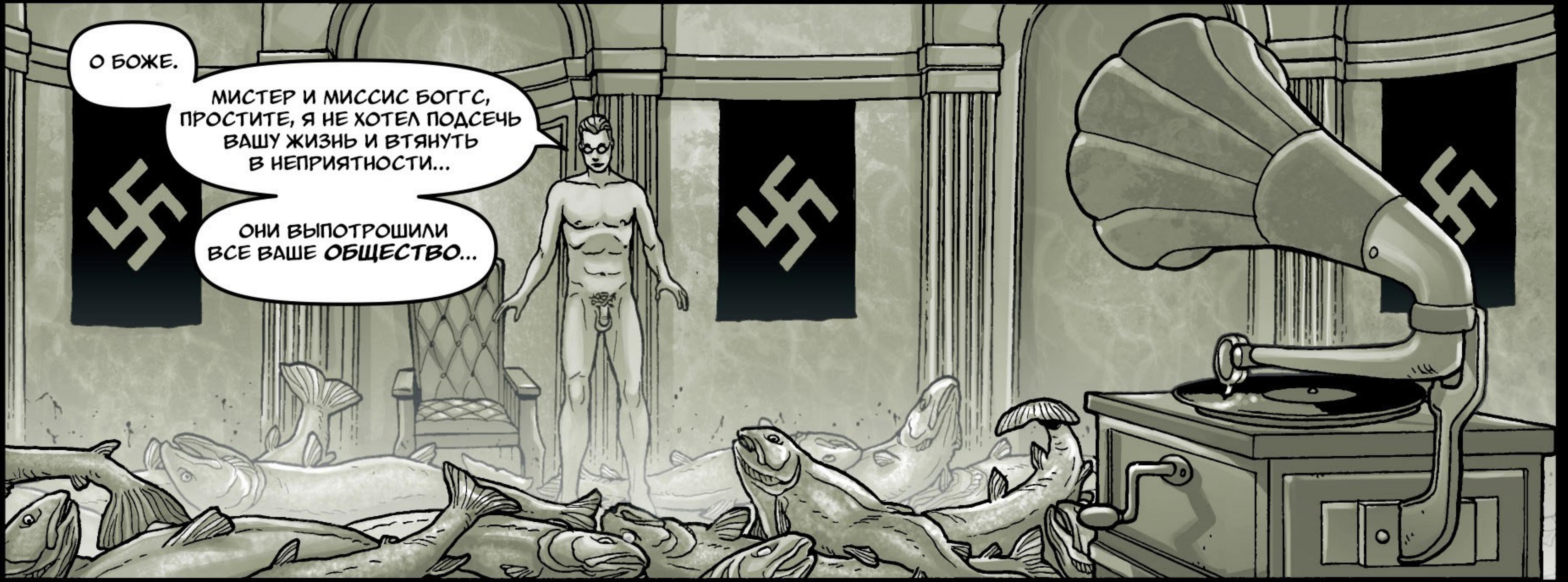

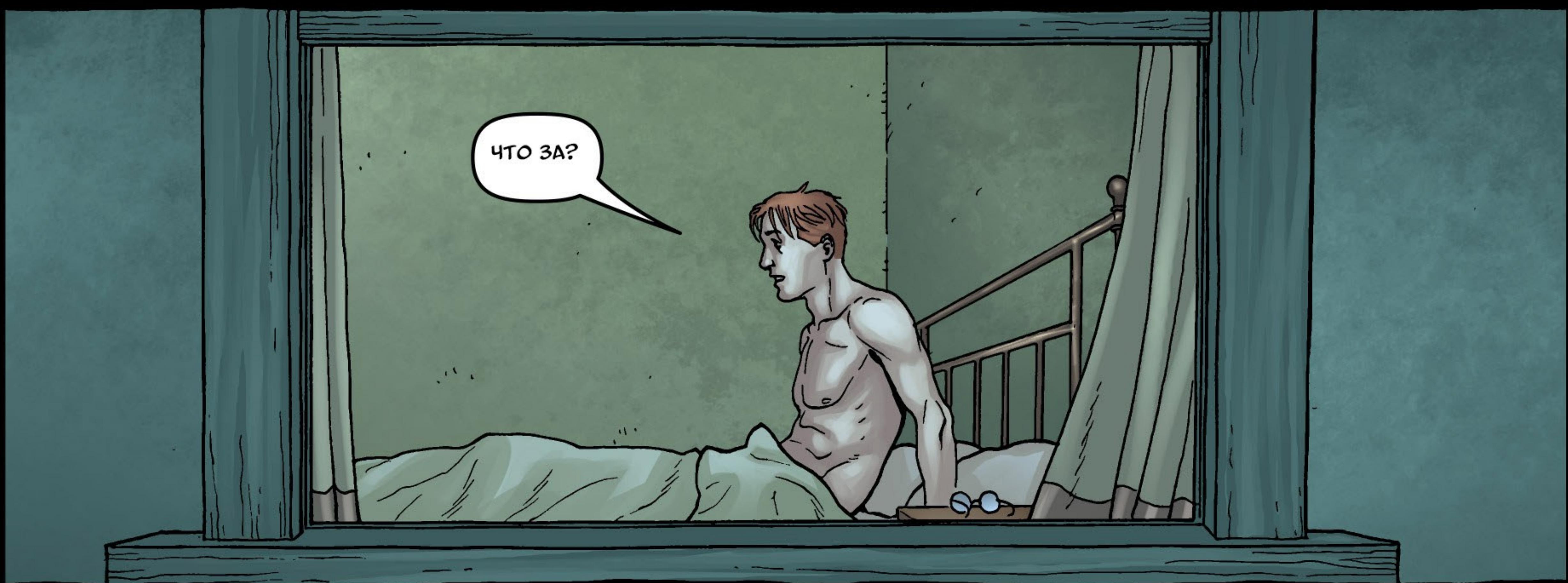
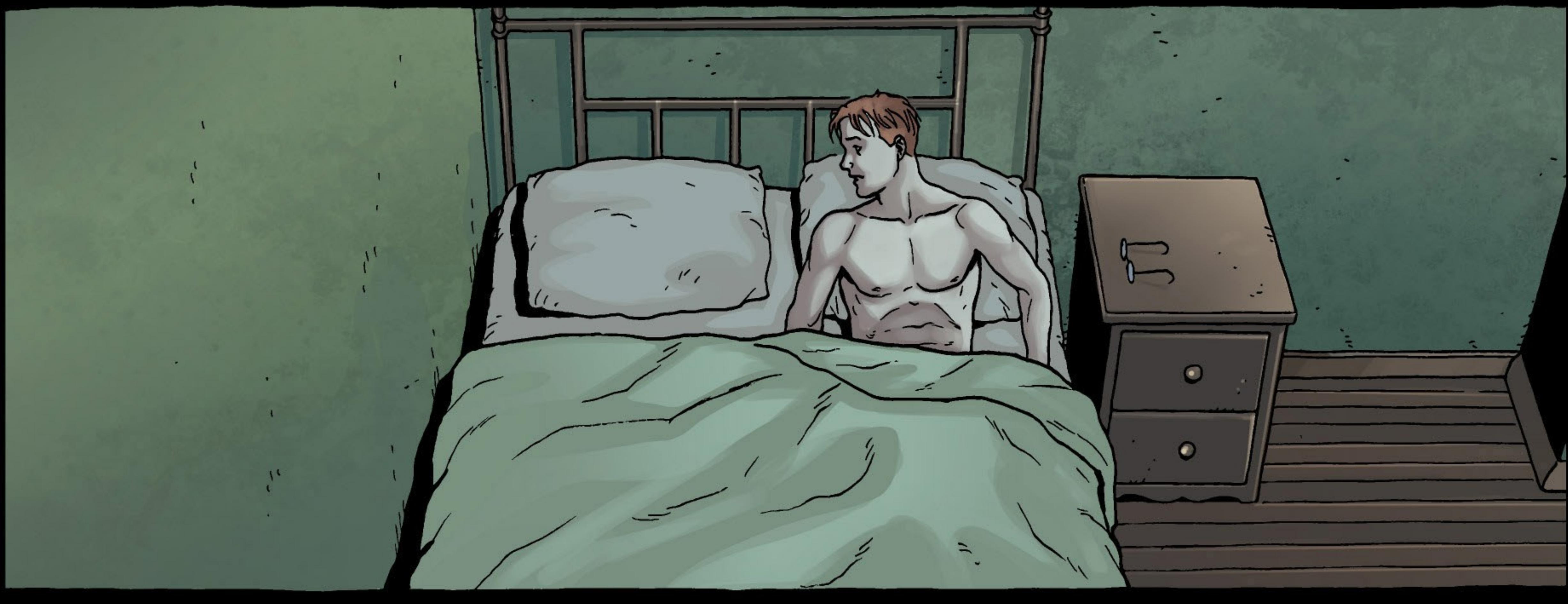

1 шаг

Ну, кажется, происходит все и сразу. Я сказал Пози, что уезжаю, и он отнесся к этому на удивление спокойно. Теперь я в двухнедельном отпуске, но на самом деле столько времени уйдет только на переезд из квартиры. Бросить работу и дом, чтобы окунуться в мрачную Новую Англию... Должен признать, меня терзают сомнения и паника, но если ничего не получится, то я просто приползу назад и все будет как прежде, не считая моей самооценки. Конечно, также сегодня, как это ни трудно представить, здешний Сухой закон. Не знаю никого, кто бы думал, что это вправду случится; хотя его соблюдение - совсем другое дело! А еще до сих пор не улеглась мысль с актерами. Несколько месяцев назад владелец театров организовал Ассоциацию продюсеров и управляющих, а две недели назад заявили, что не признают актерский профсоюз - Ассоциацию за справедливость. Не представляю, как все это может разрешиться мирно, хотя где сейчас в Америке не назревает революция? Первый кажется, что спокойных уголков уже не остается. А, и мне пришла в голову задумка для истории - наверное, рассказа, - про молодого человека (лучше из какого-нибудь античного царства), потерявшего любимого друга, которого видим теперь лишь во снах с теми, как тот идет в погани по мрачному берегу. Книжка - молодой человек исчезает и больше его никто не видит, но на полу спалоти находят песок и вздорости.

3 шаг

Ах, непостоянство, или все Родберт. Признаюсь, что после работы вчерашним вечером мой почетный статус вдовца уступил низменным истинкам, и я решил пройтись по хромых уголках Таймс-сквер. Можно сказать, снова взялся за старое, но ведь прошло уже много недель, а я всего лишь человек - ну или его жалкое подобие. В теории это скользкое оправдание истинно, но, конечно, не освобождает от чувства вины или неверности, изрядно подпортивших удовольствие, которое я хотел найти. Но, в одиночку и чисто, я никак не погадил с одним английским работягой приятного вида, который, признаться, напомнил мне рояль Тома Мэлоуна -

по крайней мере, пока не раскроил рот и не испортил
внегатление. Господи боже, ну и зануда! Готов поклясться,
если в этом богий череп попадет нездешняя мысль или слово,
то его хватит удар. Это лишь в очередной раз подчеркнуло,
что сбояние Тома ни в коем случае не заключается в этой
лишь безусловно великолепной внешности, но и в поэтической
натуре и любви к чтению. Я с теплом представляю Тома
человеком, с которым можно без единения обсудить Йейтса и
«Кельтские сумерки», хотя догадываюсь, что выдумка седе
стереотип, основанный на романтическом невежестве
касающемся Ирландии. Да только мой вчерашний знакомый,
Бранден или как там его звали, наверняка бы решил, что
«Кельтские сумерки» — название пада, а Йейтс — его хозяин!
Впрочем, в других областях он показал седе более чем
удовлетворительно, и никто не дала поправка попусту.
Вернувшись к себе на квартиру — я уже съездил хозяину, и-ру
Освободу, что уезжаю, на что он отреагировал с полным
безразличием, — я уснул, стиснув голове костяные подушки, а
проснувшись, вспомнил, что мне привиделся добрыхивший сон:
я был в океане, на самом дне — хотя припоминаю, что
дышал без затруднений, — и посреди шла и ракушек в стороне
стоял спрятанный молодой человек с напомаженными губами...
кажется, у него во рту был какой-то клеп, отчего его речь
искажалась... он следил за высоким костром, горевшим
яростным оранжевым пламенем несмотря на свое подводное
местоположение. Дальше ничего не было — по крайней мере,
я ничего не запомнил, — и когда я проснулся, то в голове
засела мысль, что сон с чем-то напоминает. Вспомнилось,
что с картине великого декадентского художника Жана Дельвиля
под названием «Сокровища Сатаны», репродукцию которой
мне показывала Лили. Работа совершенно выдающаяся.
Действие на картине, как и в моем сне, разворачивается
в освещенном странном костром подводном гроте,
где заглавный павший ангел, написанный в вулканических
оттенках красного и золотого, висит над чувственными
потоками лавы из расплавленных лобовников — вальяжных,
похотливых и поиздевавших, — и собирает в складки своей атласной
материи, обвязавшей его руки. Однако самая пригучившая
подробность анатомии Сатаны — два изулучающих кровавых
оттенков, растущих из спины: тяжелые, сужающиеся и
увязанные присосками, оба лениво парят, словно дрейфуют
на медленном течении, одно извивающееся между его бедер,

а второе тянеться в водоросли и коралловые цветы, покрывающие океанское море. Все это кажется некими зернами, из которых можно прорастить историю, — не столько или миллиардные сны, сколько картина символиста, что послужила их вдохновением. Хотя, признаюсь, или мысли кружатся только вокруг центральной идеи картины: истории с каким-то главным божеством, заключенным в морской аг под волнами, в холода и мрачное уединение, с существом, в основе своей гигантское, но при том напоминающее диковинного осминога и дракона, обитающие в заполненной густыми с сажей Падении. Главный вопрос, разумеется, заключается в том, как разить из подобной полуусторонней концепции какое-то вразумительное повествование.

Сомневаюсь, что найдется автор, который на это способен, и уж точно эта загадка превосходит мои ученические макеты. Я честно не представляю, как можно правдоподобно включить подобный фантастический образ в рассказ, при том не нарушив бесповоротно баланс того подобия реальности, где могла бы существовать эта идея. В голову приходит разве что форма поэмы, где реалии далеко не на первом плане, но ведь тогда из-под пера неизбежно выйдет в лучшем случае жалкий призрак Миграна, верно? Неразрешимая загадка.

Возможно, потому Деловиль стал художником, а не литератором. Некоторые образы, использующие в гигантской разуме, возможно описать лишь цветами и линиями, а суть, которую они несут, не нуждается в объяснениях или подробностях. Подобное восприятие недоступно словами — по крайней мере, нашему пониманию словарю. Некоторые из видений символистов возможно перевести в прозе только какими-то новыми языком, а если и старым, то какими-то новыми способами. Быть может, модернисты — Стайн, Эйзен или еще кто-нибудь из их братии — сумеют и воспринять в этом успеха, но это тоже не по плечу мне, неумехе. Иногда мне кажется, несмотря на невидимые противоречия, что я слишком нормален, чтобы стать гением.

7 шаг

У мистера Иргандца с прошлой недели была матурка, которая наверняка и объясняет следующую идею сюжета. Пожалуй, что-то в духе Гийома Аполлониера, где одновременно декадентский и распутный промагнат заваливается

в какое-то злажное заведение, где судьба сводит его с здешними типами, отчаявшимися пугающим бедуином взглядами и зланными видами, а также гротескной язической матуровской на каком-то забытом месте - скажем, на левой руке? Допустим, матуровка изображает отравленного и яркий лик какого-нибудь африканского полуостровского духа, хотя эту деталь можно будет проигнорировать позже. Нехотно вступив в разговор с этими ирачными и злобными персонажами, наши непреклонный повествователь понимает, что человек с матуровкой зауважировано признается в каком-то ужасном поступке - возможно, даже убийстве, - за который его якобы наказывает некая сверхъестественная сущность, которая не отступит, пока не уничтожит его. Сперва послуживший, зевидно, тронувшейся жертве добромыслие, герой, выслушав тревожную историю, жалеет несчастного и, например, дает ему денег. Хотя намерения у него благие, этим он как будто поражает у все более отчаянного и все более неприятного человека нежелательную зависимость. Тот выслеживает нашего промагниста, словно назначая его на роль своего персонального спасителя, и ссыпает с новых бредовых злоключениях добруму самаритянину, который, несомненно, много раз пожалел, что не перенес при виде старого знакомца на другую сторону улицы. Хуже того, источником новых тревогений служит дьявольская матуровка, которая, по словам человека, принял его блужданье по всему его телу. В доказательство он закатывает штанину и показывает на правой икре тот самый гудющий рисунок, который прежде носил на спутневой ноге левый руке. Убежденный, что матуровка - простая фальшивка, которую можно снять и нанести заново, а также что его держат за дурака, наш герой отправляет теперь ненавистного ему человека восьмьи, несмотря на истошные крики, будто демоническая матуровка ссыпала бедняку, что повествователь - этот самый единственный издавший от сверхъестественной порчи. Неходяй продолжает ходить по пятам за промагнистом, который теряет сон и покой из-за нескончаемого ненормального внимания. При каждой новой встрече фальшивая матуровка перемекает на новую позицию на теле злобенного, пока при последней встрече в ногном переулке у реки дьявольская маска не обезобразивает щеку бедуина. Сам теперь доведенный до помешательства и

стяжания неумолимым преследованием, наш главный герой вынужден к книжкам или стихам в сердце своего матурированного мучителя и растворяется в тенях. Развязка истории наступает несколько дней спустя. Позвестовавшись в страхе, что его преступление раскроется, с облегчением читаем в вечерней газете с теми, что обнаружено того человека, заключенного в сердце, однако позиция признается, что у него нет никаких улик, указывающих на нападавшего, и в свете этого до возникновения новых данных закрывает дело. Единственное, что загадывает главного персонажа, — что репортеры не упоминают дьявольский рисунок, расположившийся почти на пол-лица человека. И тут мы замечаем, что нестирающая матурировка находится на его собственной левой руке, и ему в глаза многозначительны ухмыляются примитивное демоническое лицо. Ну ладно, жуткие штрихи дьявола неумолимы, за них наверняка можно обвинить в худших излишествах готики, но должен сказать, что очень доволен волшебривенной идеей. Здесь есть начало, середина и завершение, и в целом она кажется крепче и основательней, чем большинство других недозведенных до ума задумок для рассказов, которые я набрасывал на этих страницах. Сможу ли я расширить подобную складную структуру от аккуратно подстриженной лукайки рассказа до буйных джунглей романа — вопрос, конечно, иной.

10 шаг

Есть расплывчатая идея, которую, пожалуй, можно назвать контрапунктом или зловещим двойником «Эндемизма» Кимса (интересно, почему все мои последние идеи такого безрадостного или фантастического свойства? Ужас за ужасом. Возможно, меня еще не оставил механизм из-за ухода Амелии?), где прекрасного и юного героя истории погубила эфирная небесная богиня, которая является ему во снах и заклинает сраженную страстью душу оставить бренную жизнь и отправиться с ней в ее мир. У меня история разворачивается по лекалу Кимса, но завершается куда менее благополучно. Это странное нематериальное существо — не то, чем кажется, а заревватое человеческое существо — не реальней, чем почивные бутоны у некоторых видов растений, напоминающие сексуально притягательные задние части пчелы или любого другого эпилитея. Вместо верного рая героя

ждет некое духовное погружение невообразимым чужеродным существом. Слишком странно?

12 шаг

Персонаж несравненной красоты - как внутренней, так и внешней - вынужден жить среди извращенных и честных гудовиц (причины тому у меня в голове пока не прояснились) и сам маскируется ради выживания под этих гудовиц, надевая отвратительную маску и перенимая низменные манеры. А в конце истории понимает, что не может снять маску. Он стал тем, кем лишь притворялся. Название может быть «Странная маска». Или, например, просто «Маска»?

19 шаг

Тревожный сон с вокзала прошлой ночью - в среду я вошел в Салех, возможно, это его причина, - где в глубокую полночь там находились только я и какой-то насильник или сторож. Помню, что станция погрузилась в непролегнувшую темноту, а я прятался в туалете, потому что не хотел, чтобы тот, второй, нашел меня. Кажется, я откуда-то знал, что у него что-то не так с лицом, и все, кто его видел, погибают в столкновениях поездов. Во сне это казалось логичней и намного страшнее, чем кажется. Возможно, это можно развидеть в истории с привидениями: каким-нибудь железнодорожным работнике, изувеченным и погибшим в аварии, который теперь ходит, чтобы другие разделили его судьбу, - хотя задача этого нужна призраку, не стихая эгоистичной глобы? Возможно, из-за единогласства?

24 шаг

Всобще-то я уверен, что сейчас за полночь, так что технически уже пятница, 25-е, но мне лениво перекрывать дату. Я у себя в номере в отеле «Пекин» в Амуре, на углу Эксейнджа и Главной, куда прибыл полгода назад. Номер - а на самом деле и весь отель - воине всяких похвал. Самое гадкое здесь, как мне ни стыдно признаваться, я сам. От меня несет рюбкой и прибоями с самого прибытия на автобусе из Салеха. Наверное, я все еще пытаюсь осмысливать пережитое, но пока мне не выдавалось

шанса все спокойно записать. Постимтим - всего лишь вчера (я имел в виду, 23-го) я покинул Нью-Йорк, но сперва уходил в актерский пикет на 45-й улице, когда направлялся на станцию Пенни от Таймс-сквер. Зрелище небывалое, и это еще без Бигла Фингса, Эдди Кантора и остальных, которые, как мне сказали, в своих прославленных образах обиждали людей в очередях перед театрами не ходить на спектакли. Конечно, я желал им удачи, но дело в том, что актерская задастовка вряд ли заденет меня лично, пока я скитаюсь по гаваням Новой Англии, и я не уверен, что пытал бы ту же симпатию, если бы актерской занялся, скажем, пожарные или погибельские. Пожалуй, если добьдет до этого, большевик во мне тут же замолкнет.

Путешествие в Новую Англию оказалось нескорым, но пейзажи за окном милыми чудесами... пока мы не добрались до Салема. Не хочу осуждать эту местность, но, насколько я понял, несколько лет назад здесь был пожар, и, когда мы прибыли в главную часть города, на пути все еще встретились уродливые выгоревшие здания и множество пустотрей под стройки. Конечно, вид последствий катастрофы всегда действует на первых, но когда местный автобус встал на большой полукруглой площади, выходящей на Северную реку, - в практически незатронутом огнем районе, - погнувшись были еще хуже. Округа такая одинарная и ветхая, с влажными досками и вездесущими запахами рыбы, словно весь район с его жителями бросили жить без присмотра.

И к слову о жителях... я заселился в старый отель «Хиллман», на той же площади. Отель показался мне настоящей памяткой, хотя я жил в местах и похожих, но он бледнеет и угнетает из памяти в свете первой встречи с Зиком Хиллманом (и да, его действительно зовут Зик), владельцем этой памятки. Когда он вошел в беспреболь сразу после моего прибытия, я чуть не рассмеялся, или закричал, а возможно, был близок и к тому, и к другому. Все дело в его лице - позже я узнал, что почти у всех прибрежных жителей схожий облик из-за притока иммигрантов с островов Южного моря в 1800-х годах: подбородка нет, лоб покатый, уши крашеные, а нос плоский, глаза поглажены так далеко, словно между ними дистанция между зданием для одной пары глаз, почти нет волоc - по крайней мере, у мужчин - и самые большие ножи, что я видел в жизни. Вам кому действительна не посчастливилось с внешностью.

После заселения я начал дорогу до аффинажного завода Болгса за Северной рекой, с которыми узнал от Сейдами, где встретился с м-ром Тобитом Болгсом и его запоминающимися друзьями, которые как раз собирались уходить. Один из них, старик древнего вида из Марблхеда по имени Никриз Ори, коллекционирующий бутылочки с подвесками в них грунтом, стоял совершенно ужасным поведением, тогда как второй - Шадрах как-то там - был сложен, как медведь, и, несмотря на несколько непримечательных ремарк, как будто бы проявил ко мне заметный физический интерес. Оказывается, он ведет себя странно с тех самых пор, как скончался его дядя в долине Науких, пораженный малярией в 1890-х, но я готов поклясться, что гледят они на меня с такими видами, словно хотят быть проглотить - и кто сказал, что я был бы против?

Когда они ушли, мне удалось переговорить с м-ром Болгсом - скрепное саамское лицо, как у Зика Хильмана, - и он поведал мне больше о Stella Sapiente, с которых упоминал Сейдами. Пожалуй, они еще существуют! Болгс говорил и о «Книге Хали», хотя он не держал ее в руках ее лично. С его слов выходит, что, когда д-р Альварез заказал ему список, он попросил скопировать рукопись своего коллегу Гарланда Читти из Амала, городка неподалеку, хотя Читти, пожалуй, разорвали связь с орденом еще в 1912 году. Обнаружился он еще и с каким-то камнем в 1882 году, но, признается, голос у Болгса такой густой и неразборчивый, что я многое недослышал.

Вот одна странность, если задуматься: Сейдами, оказывается, послал Болгсу открытку, в которой рассказал обо мне, не забыв упомянуть и о постыдном фиаско в сейдамском подвале, и, когда Болгс позже представил меня своей супруге (женщины пугающих форм и с заносчивостью именем «Негатия-Лу») как человека из «Геральда», я понял, что Сейдами задокументировал, и где я работал, хотя, оглядываясь назад, я практически уверен, что во время нашей беседы держал прессинг втайне. Должно быть, проговорился с «Геральдом», когда приходил в седе после потери сознания и позже при этом не знал каких глупостей Сейдами и Герритсен. Я в самом деле круглый дурак.

Болгс показал мне весь район. Там стоят церкви святого Иуды, хотя все в округе произносят название из-за акцента «святой Юда», а также масонская ложа, переделанная для какого-то общества под названием «Друзья Оанна». Довольно

неприятным присоединением стала находка нарисованного перед церковью символа - кривого креста, который Болгс назвал «фигуфумом», скорбимого послания, намеренно оставленного респектабельными горожанами Салема, которые опасаются, что их захлестнут полукровки из Южного моря. Это тоже практически напрашивается стать темой рассказа.

Тот ноготь в парижском отеле мне приснился странной сон, слишком длинный, чтобы приводить его полностью, где меня называли марбледом. И не знаю, почему, но мне кажется, что из слова «марблед» получится неплохое рабочее название для моей предполагаемой книги. Такое выразительное.

Сегодня мне пришлось целый день ждать вечернего автобуса на Амал, а когда он прибыл, в него тотчас набились салемские лица, как сюда в баке. Потому путешествие выдалось не самым комфортным - зато я видел в ноги у самого берега больших тюленей, природу во всей ее красе. Первое в «Лекиге», спаравматная брюнетка, говорит, что недавно дальше по улице открылась библиотека - подождевшее место, чтобы на следующее утро начать ходу на солью Читти, хотя сейчас я готов ко сну. Включая в тетрадь прихваченный в Салеме блокнот прихода святого Иуды, с которым еще не успел подробно ознакомиться: здесь его называют «коды Юды» - предположительно, из-за большого количества ошибок, вроде ошибки в словосочетании «левиц гензеков» на самый близкое. Вам вам очередная попка вкуса этого места - который, на мой взгляд, не сильно отличается от соленой селедки.

Церковь святого Иуды приходской бюллетень

И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас пловцами человеков.
От Матфея 4:19

Приходская церковь святого Иуды,
138 Бридж-стрит, Салем, Масс.

Июнь-август, 1919

Прифетствую вас на страницах летнего изадния нашего бульетена, которое я хотел бы начать уловами из Еванделлия от самого святого Юды, ибо сказано им: «И Мать его была пресвятая Мория, бродом из окияна, и жил он селль рыбаков в Галилии. И узрели люди очи его, что были поводны двум прудам с широкой тропой меж ними. И узрели ноги его, что были широки, подонно лопастям весел. И узрели локуни волос его, даже на лице, что были погребны водорослям. И рек-ли они: «Он несет вид Оанна». И по этому знаку люди узнали его и узнали тех, кто шел за ним, а были то рыбы, и сбершил он миногия деяния, карпел воблаго. Когда были пред ним голодные множества народа лишь с хлебами, он приносил им изобилие рыбы, чтобы насытить их, и хекли люди: «Велик тот Бог, что дарует нам рыбу, тогда как наши боги не даруют нам ничего и поялику мы голодны». И когда пошел он по морю Галилии, из пучин под пятами его поднялись левиафаны, и понесли его, чтобы он не утонул, и так все имеющие очи могли увидеть, а имеющие уху - услышать, что он сын Отца. Но люд не узнал его, и встрет-ил в гвалте и шумер, и прокляп его, назвав идолещем филестимлян. Они раздели его, и чешуя отпала от глаз их, ибо рекил они: «Зрите, он не такой, как мы». И ракли они: «Без судак унесем его и подвесим на кручья, дабы он коптился». Но не много волн колыхнуло, прежде чем восстал он из-под норжа и буль вознесен на Небеса чрез черные бездны, и жабрел вечную жизнь, окруженный всевозможными чудесами и славой».

Это велики слова, и они несут истину как тогда, так и сейчас. Они напоминают нам, страждущим в неводах и котлах царства земного, что наш Отец приглядывает за выводком своим и у-берегает рыбов

(продолжение далее)

своих от приманок, крючков и морышек, которыми искушает дьявол суши или вводит в иссушение и гибель. Я видел Знаки Древних, начертанные перед нашей цепковью, и, хотя они бросают вызов нашим чувствам, я прошу не попадаться на провокации. Ибо разве не сказано, что даже мельчайший пескарик попадет в воду обетованную в день, когда наступит конец земли? Произойдет Раскол великий, и поднимутся из него преданные, и освободимся мы от крабской камбалы, и грозный Оани малейшим из плавников своего хвоста смахнет мерзость с поверхности, чтобы мир стал таким, как прежде. Мне вспоминается шутка, где слова употреблены неверно, крабы усладить разум остроумностью. Однажды были два рыбака — больше одного, но меньше моря, — и имена их были Джоун Узкие-глаза и Джоун Маленькая-нога. Они ряскали вместе по мели у океана, как белобрюхие птицы, и на сухом песке Джоун Узкие-глаза увидел еду, которая любима всяkim человеком. Это, конечно же, розовая вареная трах-палка собаки в бульке хлеба. Джоун Узкие-глаза и Джоун Маленькая-нога не могли удержаться и пали-вничком, наперегонки втискивая ее в ану соподобные рты. Но — и вот лучшая часть шутки — в трах-палке собаки стаились острые крючки, которые пронзили их тонкие грыбешки, и Джоуна Узкие-глаза и Джоуна Маленькая-нога умолкли под воду. Прежде чем они захлебнулись, в их брюхо вонзили ножи и вытащили кишки. Джоун Узкие-глаза, содрогаясь в последний раз, сказал Джоуну Маленькой-ноге: «Ну, я думал, будет йн'накху». Конец шутки. Мы получаем удовольствие от подобных игр со словами потомуль, что йн'накху, что означает «шпротивоположное», пододно своим звуком, который разносится в воздухе, слову йн'нак'ху, что означает «резать и есть людей». Хотя я сам понял соль шутки не сразу, если повторять ее несакулько раз головлсом на воздухе, то внутри вас может зародиться неводльный звук, который даже доставляет удовольствие.

Если говорить серьезно, скораликование: на Беде будет новая икра. После этого церковь святого Юды проведет ежедонное клещение во время, о котором дополнительно известит в приложениях ниже смотритоньница церкви мисс Митаталия-Сью Уэйд. До осеннего издания в стерлябре надеюсь видеть вас чаще на еженедельных службах, и помните, что Оани бережет нас всех у себя во рту вовеки и пресно.

Ваш пастор,

Преподобный Элай Хиллман

(просожжение далее)

Приложения

Приходская цирковь святого Иуды благодарит мистера Тобита Боттса за старанья и щедрое пожертвование отливой из золота митры преподобному Хиллману на замену прежней, которую посмели укарась вандалы, именующие себя Историеским обществом.

Также море принесом следующие вести: мистер Джона Сили узнал от уродственников, что недавние сдвиги дна, сольпавшие с Великим Земным Отсевом между 1914-м и 1918 водами, наконец улеглись. Уднако такелаже мистер Сили сообщает, что некоторые малые храмы на северюте — больше одного, но меньше моря, — все еще неводступны.

Мистер Малахия Финни из «Друзей Оанна» желает объявить, что после недавнего сухода бывшего Великого Угра мистера Левитикуса Калпа его должность занял мистер Форбиранс Уэйд, оставив ставрий пост Мастера Лживых Отней. Новый Мастер Лживых Отней будет назначен в ходе влажного голосования в вомерсенье, 8 июня, в ложе «Друзей Оанна», Бридж-стрит, II4, где миссис Лулулета-Фло Финни подаст свои знаменитые прекрасные бисквиты с ламинацией.

Вечером во вздорник, 17 июня, в зале церкви святого Иуды мистер Джастифай и миссис Ишанашил-Рэй Каттлы дадут лекцию касательно встреч викрингов, спротешествовавших по этому континенту, с предком миссис Каттл — вдовствующей леди Уругатру-Би, которая лично ответит на вопросы по окончании мероприятия. Те из вас, кто помнит предыдущий визит вдовствующей леди в Солем, когда она давала красноперчивую речь о своем плотомстве среди пастухов, пересекавших старый Берингов перешеек, знают, что мечер будет полон икрометного юмора!

В четверг, 17 июля, праздничный прием в честь дня рождения Джозефа Бичера, сына мистера Эразмуса и миссис Пепетелы-Коры Бичер, на котором он достигнет зрелости. Сброс и удаление детской трах-палки состоятся на церемонии в церкви святого Иуды в пиранний час перед восходом, во время которой родственницы Джозефа подарят ему традиционные акульи зубы и саблю. Хаосяева праздника смуренно просят, чтобы в честь события все кости приходили в синем.

Мне незачем вам напоминать, что на следующей неделе в четверг, 24 июля, с последним светом ущербной луны перед наступлением черной матери-луны, на острове Беда пройдет спаривание. Мы не желаем, чтобы плотворился наврал прошлого года, и не только преподобный Хиллман, но и мистер Форбиранс Уэйд, Почтенный Великий Угорь из

(продолжение даллия)

«Друзей», просят, чтобы перед оргией на остроге не употреблялся алкоболь. Уважаемых господ просят усельдить за тем, чтобы они не отламывали трах-палтус, оставляя их внутри и не давая другим океавалерам приступить к спариванию. Это более не разрешается, поскольку это вовсеть не гарантирует выводок, как считалось раньше, а язылется не более чем гуппим суеверием.

Вслед за тем, как вылупятся мальки на первой неделе августа, мы в церкви изг святого Иуды в понедельник, 25 августа, устроим крильщение при колючей луне-крючке, после чего недоношенных можно с чистой совестью отдать милости Оанна.

Наконец преподобный Хиллман и я хотели бы представить вашему вниманию новые размышления одного из скамыш давних и человеческих друзей нашего сообщества, мистера Эннсли. Эти теплые воспоминания о прошлом нашего городка были записаны миссис Негатлией-Лу Боттс, когда она прифутствовала при одном из посещений мистером Эннсли ее мужа, мистера Тобита Боттса.

«Ну, для меня все началось в 42-м лохматом, или около того. Джека Боттса я знал еще с тех времен, когда он ходил капитаном. Он нас нашел, как только услыхал о моих странствиях в те времена, когда я плавал под началом старого Колвина. Тогда я еще участвовал в этих делах с волшебниками и их книгой. Взять хотя бы мисс Мэсси — я ее знал, как и многие наши парни, и не раз проводил с ней время, когда она бывала в наших краях наездами из Тингс-Таун или Деррифилда, или как там в те времена звались водопады Амоскиг. Мистер Рули — и его я знал, самолично доставил его с миссис Рули в Род-Айленд, когда работал у Колвина. В общем, старина Джек — его вся эта магия завлекла, и скоро его приняли в орден, и кажись, в те же времена взяли и его старпома Сайласа Уэйда, но память подводит меня с тех пор, как меня шарахнуло молнией в 96-м. А соль в том, что, когда Джек увидел эту старую книжку про «Мудрость звезд», он и прочел, значит, про всяческие острова в Южных морях и что там деется.

Книжка та была диковинная: все, что хочешь в ней сыскать, обязательно увидишь ясно как днем. Лично я ее почитывал, когда услыхал от самого Яфета Колвина, чего там пишут, — то бишь про четыре дороги вокруг кладбища и всякое такое. Как помню, некоторые страницы рассказывали о методе, который требовал внушительное количество льда, а потому был не очень удобен для практики. Другие слова были про оживление тех, кто скончался, жидкостями или готовкой всяких порошков, и встречались мыслишки о том, как перенести суть человека в другое место — хочешь в другого человека, а хочешь, в такую

(продолжение далее)

штуковину, что похожа на батарею из стекла и свинца, как те старинные бутылки, которые мне довелось повидать. Не имея склонности к колдунству и тому подобному, я увлекся парой абзацев, где было сказано, что, дескать, секрет долгой и счастливой жизни — в здоровом питании. Так оно и оказалось. Насытив голод по знаниям, признаться, я уже мало любопытничал о прочем содержании книжки, а потом и вовсе мои членство и привилегии отзвали после, как они изволили выразиться, резни.

Короче говоря, в 41-м или 42-м Джек сорвался на эти самые острова и вернулся с бабулей старого Тобита, мисс Патитией-Ли. Меня он представил ей первым, хотя теперь я что-то припоминаю, будто присутствовал при этом событии и старый Инкриз Орн из Марблхеда. Какой она была кралий — в жисть таких рыбонек не видывал. С тех-то пор в мои привычки вошло наведываться в долину и отдавать должное местному честному народу, и ведь были времена, когда мы друг дружку очень выручали. Та шумиха в 46-м, что списали на чуму, — вот вам пример, хотя оттого-то наши Мудрые и Звездные дружки и заявили, что больше не желают общаться ни с салемским прибрежным людом, ни со мной.

Знаю, вы слыхали про те времена, когда старый Джек и его ребятушки сидели взаперти на гауптвахте, и здесь было не видать ни единой живой души, пока кормился народ из-за Беды. Как я слыхал про дальнейшее, в городе так славно погуляли, что потом пришлось выдумывать, будто в наших краях прошлась оспа или холера — уж не помню, что именно, — и прибрала столько людей. Помню, в самый разгар Рыболовли вырвалась целая компания — семьи две, с детьми в придачу, — да взяла еще в голову известить стражей порядка о том, что деется в Салеме. Знаю, нынче-то вам все это смешно, но тогда они смотали удочки из Салема под покровом ночи и добрались до самой долины — так-таки, народ, чтоб мне провалиться, если ваш идол, старый Оани, за своими не приглядывает! Не иначе, ведь сбежавших он привел прямиком в Наумкиг, к моей хижине, где они и хотели найти убежище. Ну, я и сам тогда вволю покутил, скажу вам не тая. Грешно, наверно, что я тогда так растянул их кончину, но, Господь-свидетель, давно уж я так не веселился, и еще месяц прошел, прежде чем их останки были либо доедены, либо засолены на зиму.

С тех-то пор я всячески ценю дружбу с вами, прибрежными, при том ко значительной выгоде всех заинтересованных, значит, партий, как вот, помнишь, Тобит, когда с Бостону приехал инспектор, высматривать, что творится на аффинажном заводе? Это он тогда все звал мамочку, когда я за него принялся, а как наделал я черных пудингов, сразу свез половину вам с Негатлией-Лу, на здоровье. Эх, славные то были годочки в Салеме, и надеюсь, нас еще ждет таких же добрых сто или двести».

(продолжение далее)

Цербель святого Юды хотела бы сказать спасибас мистер пуг Эннсли за любезные от-кровения и напом-лить прихожанам, что воскрасные службы будут прибоястановлены в течение всего июля, чтобы дать достаточно времени для спаривания.

Следующее издание будет доступно в субботу, 6 осетрября, все материалы должны быть приготовлены и отосланы в црековъ к плескресенью, 31 августа. С нетерпением жду нашей новой встречки на страницах бюллещена.

Митаталия-Сью Уэйд (мисс), смотрительница церкви.

«Для меня нет ничего более проникнутого тайной и ужасом, нежели чем отдаленная массачусетская ферма у одинокого холма.

Где еще могло произойти нечто подобное салемскому ведьмовству?»

В письме Элизабет Толдридж,
9 октября 1931 года